Покончив с едой, они скрылись в глубине переулка, где в темной и влажной аллее уже их уже ждали.

Бисеринки пота покрывали лоб мужчины, а затем собирались в капли и скатывались до подбородка и дальше, прячась в льняной одежде. Услышав движение, он повернул голову и улыбнулся, показав свои белые зубы.

Хэ Сунбай протер грязное заднее сиденье, смахнув с него пыль рукавом.

— Держись крепко.

Чжао Ланьсян запрыгнул на багажник и обняла его за талию.

Тело Хэ Сунбая напряглось, и он закрутил педали велосипеда.

Велосипед «Феникс» проехал под карнизом тенистого здания, затем свернул на улицу и быстро выехал с оживленного уличного рынка.

Когда они стали выезжать на горную дорогу, Чжао Ланьсян ущипнула его за живот и потребовала:

— Стой!

Хэ Сунбай остановился и спросил:

— В чем дело?

Чжао Ланьсян попросила его слезть, затем быстро запрыгнула на сиденье и нажала ступней на педаль.

— Я отвезу тебя обратно, — твердо сказала она.

Хэ Сунбай вытер пот, понюхал себя и смущенно спросил:

— Я такой вонючий?

Чжао Ланьсян очень хотелось ударить его, но слова Лян Течжу все время звучали в ее ушах. Чем больше она думала об этом, тем больше расстраивалась.

Но теперь его очевидная усталость и вид его ног, крутящих педали велосипеда, заставили ее

чувствовать себя неуютно.

Чжао Ланьсян больше не могла сидеть спокойно.

Она похлопала по заднему сиденью, и, увидев, что он ошарашенно смотрит на нее, Чжао Ланьсян снова с силой ущипнула его за талию.

У Хэ Сунбая потемнело от прилившей крови лицо, и он осторожно устроился за ней, сказав:

— А… Вон там есть река, я там помоюсь.

Чжао Ланьсян глухо заворчала и медленно направилась к реке.

Она сказала:

— Допустим, ты хочешь помыться, но я должна быть рядом с тобой. Вдруг вор украдет твою одежду средь бела дня? — в ее голосе отчетливо прозвучало ехидство.

Хэ Сунбай от неожиданности поперхнулся, его уши покраснели, и он больше не смел упоминать о том, чтобы помыться. Стоило ему только представить это, и все его тело вплоть до носа охватывал жар.

Она выглядела как человек, соблюдающий правила, но на самом деле это ее озорство было способно убивать!

Хэ Сунбай больше не вспоминал о том, что нужно помыться, но, видя, что девушка с трудом крутит педали, иногда спрыгивал с велосипеда и бежал за ней пешком, чтобы дать ей отдохнуть. Пока она не обращала на него внимания, он легонько забирался обратно как ни в чем не бывало.

Ноги у него длинные, и с сиденья велосипеда он легко мог спуститься на землю.

Он радостно побежал, а Чжао Ланьсян не удержалась и приподняла уголок губ, поддразнив его:

— Дурак!

Хэ Сунбай смущенно улыбнулся, вытер пот и сказал:

— Я не собираюсь везти тебя в больницу, если ты сломаешь ноги. Я набрал много веса. Ты не сможешь сдвинуть меня с места!

Чжао Ланьсян беспомощно смотрела, как он радостно бежит, и не смогла удержаться от смеха. Его кожа, загорелая под ярким солнцем, покраснела, а сам он бежал как черный вихрь.

В этот момент он действительно напоминал простого деревенского парня, но она влюбилась в этот глупый взгляд!

Чжао Ланьсян спрыгнула с велосипеда, обняла его и крепко поцеловала.

— Ты, как ты можешь мне не нравиться? Мне не противно, даже если ты потный. Я просто боюсь, что ты слишком устал.

Хэ Сунбай коснулся мягких волос своей девушки, а затем погладил ее взмокшую от усилий спину.

— Ты глупая. Я привык к тяжелой работе, и в любом случае я сильнее тебя. Моих сил хватит, чтобы донести тебя до самого конца!

Чжао Ланьсян пересела на багажник и прижалась лицом к его горячей и влажной спине.

— Я не хочу, чтобы ты нес меня обратно, лучше прибереги силы и поцелуй меня!

Хэ Сунбай вдруг онемел, его горло было словно охвачено огнем, а ноги крутили педали как заведенные.

Прохладный горный ветерок обдувал их, принося облегчение, а низкий голос мужчины звучал в ее ушах вместе со свистом ветра.

***

Не доезжая до окраины деревни, Хэ Сунбай спрыгнул с велосипеда, передал его Чжао Ланьсян и побежал по маленькой тропинке домой.

Чжао Ланьсян вернулась к дому одна и поставила велосипед за сараем. Оставив велосипед, она прошла мимо коровника и посмотрела на учителя Гу.

Уже полдень, и учитель уже Гу ждал ее.

— Курица каждый день сносит яйцо. Я отдам их тебе.

Он протянул ей корзинку с белыми яйцами. У курицы были очень хорошие отношения с ним. Она спала рядом с ним каждую ночь, вместе с ним ела и пила, и сносила по яйцу каждый день.

Как будто она знала, что старику нужны ее яйца для улучшения его питания.

Чжао Ланьсян с улыбкой взяла яйца и сказала:

— Ну что ж, давайте сделаем вам омлет.

Мясной соус, который она замариновала в банке, уже очень хорошо настоялся, и его запах наполнил дом. Нужно смешать его с яичным рулетом, чтобы получился омлет с рисом, это вкусно и быстро.

Чжао Ланьсян взбила яичную смесь и обжарила ее на сковороде до нежно-золотистого цвета, равномерно тонкого, посыпала тмином и нежным зеленым луком.

Она не заботилась о том, чтобы добавить что-нибудь в рисовую начинку. Она обжарила все, что росло на огороде семьи Хэ. Она брала огурцы, зелень, баклажаны, резала их кубиками, смешивала с белым рисом и обжаривала. При этом баклажаны сначала обжаривались до полуготовности, а затем добавляла другие овощи и огурцы.

Ароматная свинина и белый рис были обжаренны до золотисто-коричневого цвета на шипящем масле.

В конце девушка обернула рис яичным блинчиком, а сверху полила ложкой мясного соуса, и это блюдо источало притягательный аромат.

Она тайком отнесла еду учителю Гу, а другой мужчина рядом с ним тяжело сглотнул.

Чжао Ланьсян, ничего не сказав, положила еду и быстро вернулась в старый дом семьи Хэ.

Учитель Гу радостно щурился, держа в руках миску. Он откусил кусок омлета, прожевав его. Хрустящая и нежная яичная корочка, обернутая вокруг сочных кусочков овощей. Насыщенный слой яичного омлета доставлял радость вкусовым рецепторам. Полное наслаждение.

Вкуснейший соус обволакивает хрустящую яичную корочку. Сладкий и хрустящий вкус огурца, легкий и терпкий. Мягкость баклажана, сладость капусты, жирный рис и соленый мясной соус составляли прекрасное сочетание, которое вызывало желание съесть еще один кусок.

Учитель Гу убрал миску с рисом.

Ху Сяньчжи, сидевший неподалеку, сглотнул слюну неизвестно сколько раз. Его желудок бурчал, и мужчина молча уставился на учителя Гу голодными глазами.

Он здесь умирает от голода, а там его учителя так вкусно кормят.

Учитель Гу после еды вытер рот и причмокнул, вспоминая вкус рисового омлета.

Ху Сяньчжи спросил:

— Почему семья дала учителю поесть?

Учитель Гу проигнорировал его.

Ху Сяньчжи снова спросил:

— Учитель, ты дал им денег? — с долгим вздохом он вытащил из травы купюру в десять юаней. — Это мне специально дал У Юн, когда приходил ко мне. Интересно, сможет ли эта образованная молодежь также накормить и меня?

Учитель Гу был в хорошем настроении из-за еды и наконец «сочувственно» заговорил с Ху Сяньчжи. Он спросил, словно делился сплетнями:

— У Юн не сидел в тюрьме и не жил с вами в бараке?

Ху Сянчжи ответил:

— Он не такой, как мы. Мы стремились к быстрому успеху, а он хотел быть, как вы, учитель. Не смотрите на завершение строительства на горе Хэшань. Другие горы в его проекте только начали разрабатываться! Раньше мы втроем смеялись над ним, как над глупцом, но теперь мы это понимаем. Мы стремились к быстрым результатам, но имеет смысл делать все так же стабильно и последовательно, как он.

Учитель Гу легкомысленно сказал:

— Твой младший брат напомнил мне, чтобы я был осторожнее с У Юном.

Ху Сянчжи замер, ошеломленный. Он как будто не ожидал, что его младший брат Сунь Сян скажет такое своему учителю.

На его лице промелькнули одно за другим подозрение, презрение и изумление, и он, стараясь побороть в себе дурные мысли, медленно проговорил:

— Не думаю, что У Юн имеет к этому отношение. Сунь Сян попал в такую ситуацию и сказал такие вещи, чтобы заставить людей сомневаться… После всего нас четверых заперли в

маленькой камере, несколько дней и ночей нас допрашивали в полиции.

Гу Хуайцзинь смотрел прямо на Ху Сяньчжи и молчал, а тот злился все сильнее.

— Мы были напуганы и говорили все без утайки. Все, что вызывало подозрения, было выяснено. Этот парень, Сунь Сян, плохой руководитель. Он даже хотел утащить нас за собой, чтобы спастись!

Ху Сяньчжи с раздраженным возгласом отвернулся, лег в стог сена и уснул.

***

Как только Хэ Сунбай вернулся к себе, чтобы раздеться и приготовиться ко сну, дверь со скрипом отворилась.

Мужчина быстро оделся и, казалось, небрежно спросил:

— Что?

На самом деле, все мышцы его тела напряглись. Его глаза потемнели и заблестели черные, как нефть. Казало, полыхнет от малейшей искры.

Чжао Ланьсян поставил на стол омлет с рисом:

— Тебе нужно поесть, ты не обедал. Поешь сейчас побольше.

Она прикоснулась к лежащему на кровати мужчине, готовящемуся ко сну, и провела прохладными пальцами по его плечу. Затем отвела его руку и в сторону и осмотрела плечо: оно выглядело покрасневшим и слегка припухшим.

Чжао Ланьсян тихо спросила:

— Болит?

Хэ Сунбай только хмыкнул.

Рана не болела, но немного потягивала. После сна должно было стать лучше.

Но девушка прикоснулась к нему и растревожила рану. Ее холодные пальцы коснулись горящего плеча, и он почувствовал боль от шеи до пояса.

Чжао Ланьсян заметила пот, выступивший на его лбу, и достала платок, чтобы вытереть его.

— Встань, поешь, подожди немного, пока переварится, а потом ложись спать. Ты смеешь говорить, что ты толстый, а я все равно могу тебя легко сдвинуть с места, ах… — прошептала Чжао Ланьсян и резко потянула его за собой, ее тело завернулось в тонкое одеяло и приникло к нему.

Дыхание мужчины стало беспорядочным и тяжелым. Он торопливо и робко сказал:

— Разве ты не позволила мне сохранить силы… А как же ты? Я хочу поцеловать сейчас, ты мне разрешишь?

Он смотрел на нее жадно, как будто умоляя разрешить ему.

Он так давно не прикасался к своей сладкой девушке. Ее мягкие и теплые губы казались волшебными, от прикосновения к ним перехватывало дыхание.

Горячее тело мужчины припало к прохладной коже Чжао Ланьсян, и это прикосновение обожгло ее словно огонь.

Чжао Ланьсян прикоснулась к своему мужчине и побудила его лечь, чтобы поцеловать ее, и поцеловать крепко. Он целовал напористо и сильно, желая, чтобы она чувствовала его желание, безудержное и жадное.

От поцелуя девушке стало больно во рту, но одежда на ее теле осталась. Мужчина совсем не прикасался к ней. Удовлетворенный, он перевернулся, словно его лишили сил, опустив голову на подушку и задыхаясь.

Милый, как маленький жадный щенок.

Чжао Ланьсян встала, жалея его затекшее плечо, ее влажные и теплые губы целовали его напряженные и жесткие плечи и шею.

— Пообещай мне в будущем хорошо заботиться о себе, ладно? В будущем оно будет моим, — серьезно сказала Чжао Ланьсян.

Хэ Сунбай подумал: «Неужели эта женщина хочет умереть? Она все еще говорит такие вещи в моей постели».

http://tl.rulate.ru/book/46619/3254978